

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРЕССА В УГЛУБЛЕНИИ ПОНИМАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ
ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

В.А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Академии последипломного образования Республики Беларусь

Ситуация перманентного кризиса (схизиса и т.п.), в котором находятся социальные науки в целом и психология в частности, сопровождаемая многократными самоуспокоительными декларациями на различного уровня научных форумах о прогрессивных тенденциях «за отчетный период» (наглядным свидетельством чему является и недавно прошедший в Берлине XXIX Всемирный психологический конгресс), не вызывает однозначной уверенности в наличии такового в реальности. Обозначенная проблема носит во многом судьбоносный характер для поддержания авторитета обсуждаемой области знания, как в научном сообществе, так и общественном сознании. Если область научного знания «не прогрессирует», то ее статус становится в общественном сознании сомнительным. Если область знания является специфичной по отношению к конституированным в научном сообществе, то ей приходится прилагать специальные усилия для утверждения собственного права на существование в собрании обладающих таким научным дисциплин. В силу названных обстоятельств само вынесение проблематики научного прогресса в психологии на суд научной общественности является мужественным актом, но и, одновременно, актом весьма ответственным за его возможные негативные последствия.

Ключевые слова: феноменология, диалогическая перспектива, прогресс.

Сегодня можно с достаточной степенью ответственности обсуждать проблему адекватности понятия «прогресс» применительно к научному знанию в целом, что выражается в многочисленных дискуссиях по данному поводу и наличии диаметрально противоположных оценок. Как отмечает в этой связи А.В. Коротаев, «в западной социологии и социальной антропологии понятие прогресса исчезло практически полностью из академических текстов, но оно, похоже, продолжает достаточно активно употребляться в нашей науке... Это можно только приветствовать, ибо через это понятие в нашу науку (пущай и в скрытом виде) продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово прогресс» [1, с. 6-7], имея в виду понятия - «добро» и «зло».

Так стоит ли обсуждать проблему научного прогресса в психологии, если и в более

устоявшихся и определенных областях науки сложилась такая неопределенность в его оценке? На наш взгляд, стоит, при условии понимания многозначности и многогранности его содержания, учитывая такой же характер и самого научного знания, включающего в качестве его агента сообщества ученых, использующих научные методы его производства.

В контексте науки как таковой, включающей различные аспекты, а именно: социальные институты, исследователей, процесс исследования, его методы и научное знание в целом, - понятие прогресса может быть определено по отношению к каждому из них. Следовательно, как отмечает I. Niiniluoto, можно выделять различные типы прогресса: экономический (увеличение финансирования науки), профессиональный (рост статуса ученых и их академических институтов в обществе), образовательный (рост умений и экспертных возможностей ученых),

* Статья поступила в редакцию 7 апреля 2009 года.

в области методов (изобретение новых методов исследования, усовершенствование научных инструментов) и познавательный (рост или развитие научного знания)» [2]. Применительно к психологическому знанию этот перечень можно было бы дополнить человеческим аспектом, характеризующим развитие знания об его психо-социальной сущности. Причем, роль этого человеческого фактора все возрастает не только по отношению к развитию научного познания, но и по отношению ко всему тому, что связано с активностью человека в его взаимодействии с социальным и природным окружением, изучением чего, по идее, и призвана заниматься психология, интегрируя в рамках своего предмета и «душу», и «тело», и все то, что связано с их бытием-в-мире.

«Прогресс» является аксиологическим или нормативным понятием, которое следует отличать от таких нейтральных описательных понятий, как «изменение» или «развитие», следовательно, он должен прояснять ценности и нормы, которые могут быть использованы в качестве конституирующих критериев «настоящей науки». Определение прогресса должно давать нам нормативный стандарт оценки выбора, permanently совершаемого научным сообществом. Прогресс является понятием, ориентированным на результат и заинтересованным в успехе в отношении достижения определенной цели. Но если рассматривать науку как предприятие по поиску знания, нельзя однозначно утверждать, что ее цель одномерна. По замечанию Levi, наши цели могут быть скорее «мистическими» нежели «мессианскими»: конкретная цель, которую мы надеемся достичь в процессе нашего исследования, может быть переопределена «локально», относительно каждой проблемной ситуации. Более того, в дополнение к множественности возможных целей может существовать и множество путей их достижения [3].

Особое место в рассуждениях о научном прогрессе занимает вопрос о его критериях. Традиционные философские теории прогресса предлагают абсолютные критерии, такие как способность решения проблем или приближение к истинному знанию (truthlikeness), применимые ко всему развитию научного мышления на протяжении его многовековой истории. При внешней обоснованности и логичности данных критериев сложности возникают с определением степени решенное™ и решаемости проблем,

а еще больше - с приближением к истинности знания, оценка которого, в свою очередь, является не менее дискуссионной проблемой хотя бы в контексте наличия многочисленных концепций истины (дескриптивная, доксическая, когерентная, корреспондентная, прагматическая, феноменологическая и др.).

Подходы к оценке способности теории в решении проблем, равно как и в приближении к «истинному знанию», существенно менялись в культурно-историческом контексте. Поэтому для понимания прогресса в научном познании, полагаем, полезно обращение к понятию «культурно-научная традиция», использование которого помогает схватить динамику представлений о мироустройстве на протяжении эпох. Эти представления актуализируются в индивидуальном и общественном сознаниях в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что *культурно-научная традиция* представляет собой «многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, ... характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» [4, с. 206]. С определенной долей условности можно выделить синкретическую, теоцентрическую, модернистскую, постмодернистскую и, в перспективе - пост-постмодернистскую традиции, обоснование и описание особенностей которых уже давалось ранее [5, с.34-38]. Следует отметить, что смена этих традиций в общем прогрессе человеческой культуры происходила под влиянием, с одной стороны, осознания исчерпывания их эвристического потенциала, а с другой - появлением новых идей, таковым обладающих. Применительно к эволюции психологического познания она может быть проиллюстрирована сменой исследовательских метафор - от бихевиористского стимульно-реактивного «черного ящика» к когнитивистскому «интеллектуальному компьютеру» и т.п.

В контексте обсуждаемой проблемы можно констатировать, что критерии решаемости проблем и приближения к истинности знания

соответствуют модернистскому универсализму, подвергнутому жесточайшей критике постмодернистами [6]. Констатируем вполне убедительное обоснование постмодернистами торжества многообразия как двигателя прогресса, воплощенного в форму антиуниверсализма. Обоснованность полезности многообразия для углубления понимания психологической феноменологии ранее показывалась на примере проблем предмета [7], метода [8; 9] и объяснения [10]. вполне уместным в этой связи представляется выдвижение в качестве критерия научного прогресса *расширение и углубление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих*, приводящих к росту осознания комплексности и многополярности объяснений и понимания феномена человека. В контексте обсуждаемой А.В. Юревичем (2008) так называемой технологической парадигмы вполне возможно выдвижение еще одного критерия: *рост технологичности и прикладных возможностей психологического знания и практики* [11].

Претерпевает изменение и само понимание научного познания. По мнению известного методолога науки В.С. Степина, оно «начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминированная на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий «теория», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение» и т.п.» [12, с. 632]. Следовательно, и понимание прогресса или регресса должно также рассматриваться в обозначенном контексте, выходя за рамки одномерной локальности, будучи дополненным еще и осмыслением роли самого субъекта познания, который, традиционно, выносится за скобки обсуждения проблемы научного прогресса, но принимает самое непосредственное участие в его осуществлении.

В.С. Степин выделяет три крупные стадии исторического развития науки, сопрягая их с тремя типами рациональности - *классическая рациональность* (соответствующая классической

науке в двух ее состояниях - дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность* [12, с. 633]. Отличительной особенностью последней является включение в предмет научного познания не только объекта и средств его изучения, но и субъекта познания. Принципиальное отличие этой стадии развития науки заключается в признании того, что и научное знание в целом (включая естествознание) в существенной степени субъектно и социально детерминировано. Так как субъект научного познания оказывает влияние на него, то оно неизбежно приобретает характер социально-конвенционального, а не объективного в подлинном значении этого понятия, т.е. независимого от исследователя. Изучением же субъекта познания как раз и занимается (или должна) психология, отражая на своем примере изменения во взглядах на природу внутренней психической активности в ее проявлениях в наблюдаемом поведении на протяжении человеческой истории и тем самым прогрессируя. Сам факт включения субъекта познания в качестве имплицитного элемента научного познания уже является косвенным подтверждением прогрессивного влияния психологического знания.

Позиционируясь в определении прогресса в научном познании, считаем возможным констатировать следующее:

1. Обсуждение проблемы прогресса в психологии является полезным, по крайней мере, для отечественной традиции в контексте ее рефлексии современного состояния, места в мировой системе психологического знания и определения перспектив развития.

2. Понятие прогресса многоаспектно и многомерно, что обуславливает необходимость дифференцированного рассмотрения в связи со спецификой анализируемых контекстов.

3. Прогресс носит культурно-исторический характер, требуя при вынесении оценочных суждений учета особенностей настоящего в его сравнении с прошлым и с гипотетическим будущим.

4. Критериями прогресса могут выступать расширение и углубление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих, наконец, рост

технологичности и прикладных возможностей психологического знания и практики.

5. Психологическое знание имеет особый статус в силу его субъектного характера, предполагающего своеобразную «отстраненность» в отношении самого себя (понятие, введенное В. Шкловским для обозначения состояния, лишённого эмоциональных блокировок, непредвзятой оценки происходящего) как субъекта и объекта научного познания.

Проблема особого статуса научности и прогрессивности психологического познания

Отличительной особенностью психологии является качественная специфичность объекта исследования - одновременно выступающего и объектом и субъектом научного познания. Ранее присущая психологической науке тенденция старательно закрывать глаза на эту субъектность сопровождалась верой в безграничные возможности позитивистской методологии, якобы позволяющей получать объективное универсальное знание, в том числе и в отношении функционирования психики.

Характеризуя отличительные особенности развития психологической науки эпохи модернизма, К. Gergen выделяет четыре пересекающиеся предпосылки, лежащие в основании позитивистки ориентированной психологии:

1) вера в познаваемость мира, требующая от каждой дисциплины определения границ поиска и области миропознания, составляющую предмет исследования;

2) представление об универсальных свойствах мира, предполагающее наличие принципов, возможно законов, которые могут быть открыты в предмете исследования;

3) вера в возможность постижения истины посредством метода, выражающаяся в убеждении, что, используя эмпирические методы и особенно контролируемый эксперимент, можно выявить строгое истинное знание о природе предмета исследования и причинных связях, в которые он включен. И далее, что результаты использования такой методологии внеличностны;

4) вера в прогрессивную природу исследования, предполагающая, что в результате использования эмпирических методов к предмету психологического исследования, мы все больше приближаемся к фундаментальности. Неверные представления устраняются, и мы продвигаемся

к установлению надежной, ценностно-нейтральной истины о различных сегментах объективного мира [13, с. 19-20].

Еще более жесткая критика модернистской психологии дается J. Shotter, анализирующим перспективы развития психологии в контексте необходимости изменения позиции и характера психологического исследования, предполагающего переход с позиции отстраненного, «обособленного проверяющего теорию созерцателя, к позиции заинтересованного, интерпретирующего, проверяющего процедуру, включенного наблюдателя»; с «одностороннего стиля исследования к двусторонней интерактивной модели» [14, с. 58]. Автор конкретизирует эту мысль следующим образом: «вместо образа (а) "мышления как (пассивного) зеркала природы", (б) "знания как точной репрезентации" и "исследователя как внешнего наблюдателя" предлагается ряд других образов: образ (а) ученого "как одного из членов сообщества "действующих вслепую" людей, исследующих собственное окружение, используя стек или другие подобного рода инструменты"; (б) для которых "знание значимо как средство обращения с ним, «знания происходящего вокруг», путей коммуницирования между ними"; и (с) "мышления как активно «создающего смыслы» относительно инвариантных свойств, открываемых при помощи инструментально обеспеченных исследований собственного окружения" - изменения с познания посредством "наблюдения за", на познание посредством нахождения "в контакте или соприкосновении с" изучаемым феноменом» [14, с. 58].

В фундаментальной психологической науке и теперь доминирует стремление приблизиться к истинному знанию модернистского толка, в том числе и в области открытия универсальных законов психики. Наглядным свидетельством этому является содержание многочисленных психологических журналов, представляющих бесконечное количество результатов локальных экспериментов, ничуть не расширяющих и не углубляющих понимание внутренней природы человека и отнюдь не способствующих прогрессу психологического знания.

Создается впечатление, что история психологии по-прежнему ничему не учит. Не извлечено уроков из взлета и падения бихевиоризма с его стремлением к открытию универсальных законов поведения и собственно придавшим психологическому знанию позитивистский

характер в борьбе с интроспективной субъективностью во имя обретения психологией статуса «чистой академической науки» и добившегося этого посредством популяризации прикладного психологического знания в обществе, формируя в его сознании нереалистические ожидания в отношении получения универсальных средств решения всех проблем посредством психологических рекомендаций и технологий. Не делается выводов и из того факта, что в естественно научном аспекте она практически ничего не дала для прогресса научного познания, заимствуя достижения и исследовательские метафоры из других областей знания. В частности, достижения кибернетики и компьютерной техники привели к так называемой «когнитивной революции» в психологии, использующей метафоры не психологические, а все те же естественно научные.

Новое дыхание - эта традиция «плетения в хвосте» получила в связи с открытием генома и достижениями нейробиологии. Это и послужило основанием для доминирования в ответах 30 крупных европейских психологов на вопросы журнала «Еигореап Psychologist в преддверии XVIII Психологического конгресса об огромном влиянии достижений генетики на психологию. В этой связи следует заметить, что достижения генетики отнюдь не связаны с достижениями психологии, которая все еще никак не определится в своем предмете и месте под солнцем, забывая о том, что ее высокий статус в общественном сознании скорее связан с успехами в решении практических проблем, нежели достижений академических. И можно бесконечно доказывать свою приверженность монизму, обвиняя в методологической безграмотности и беспечности плюралистов как идеологических врагов [15, с. 107], правда, демонстрируя и свою неосведомленность в том, что не менее весомы аргументы дуализма, эмерджентизма и того же онтологического плюрализма [5, с. 61]. Можно психику сводить к деятельности мозга, можно делать и многое другое, оставляя за скобками вопрос о прогрессе психологического знания как такового и о его специфике как области знания, претендующей на статус самостоятельной науки и на собственную эксклюзивную роль (и вклад) в прогресс общечеловеческой науки и культуры. В этой связи следует напомнить, что само выделение психологии как области знания этимологически

связано с понятием «псюхе» = душа = внутренний мир человека, сведясь в последующем, в силу некоторых историко-культурных обстоятельств, к психике как свойству высокоорганизованной материи, не требующему привязки к реальному человеку и его бытийной практике, и то, что в психологическом знании существуют альтернативные трактовки внутреннего мира человека в его взаимосвязи с внешними проявлениями.

Не претендуя на обладание правом на истину в последней инстанции в дебатах о привате естественно научной или гуманитарной парадигм в психологии, помня о том, что существуют и другие, в частности, позитивистская, критическая, социально-конструктивистская, покоящиеся на более строгом методологическом фундаменте [16, с. 143; 17, с. 73]. Абстрагируясь от разного рода авторских вариаций на данную тему, можно вполне обоснованно утверждать наличие выраженного консенсуса в отношении того, что эта качественная специфичность психологической феноменологии выражается в ее культурной интердетерминированности. Претензии психологии на изучение интернализации, трансформации, экстернализации культуры и ее проявлений в миропонимании и взаимодействии с социальным и природным миром мне кажутся более перспективными по сравнению с пока явно безуспешным соперничеством с биологической наукой в ее областях, занимающихся изучением активности мозга.

Этот вывод кажется обоснованным еще и по тому обстоятельству, что достижения отечественной психологии в западном психологическом сообществе связываются как раз с культурно-историческим подходом (Л.С. Выготский) и идеями диалогизма (М.М. Бахтин). Все прочие достижения отечественной психологии известны очень узкому кругу специалистов и не получили должной представленности за рубежом. Факт, бьющий по самолюбию, но легко статистически подтверждаемый при обращении к библиографическим спискам серьезных (и не очень) научных психологических изданий.

Поскольку и культура, и социальная феноменология сами по себе являются продуктом активности человека, то в обозначенном контексте знаковым является вывод Э. Кассирера о том, что ключом к постижению природы человека является символ: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов ж**иогных, есть и третье звено,

которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности - он живет как бы в ее новом измерении. Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия - части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека» [18, с. 28-29].

Еще ранее эта идея была обоснована в работах символических интеракционистов (Кули, Мид, Блумер и др.), показавших не просто символическую опосредованность социальной активности, но и ее интерактивный характер, проявляющийся в том, что значения, определяющие интерпретацию происходящего, конструируются в процессе совместной активности и реализуются в символической форме. Таким образом, психологическая феноменология обладает символической природой, продуктом и содержательным насыщением которой и является культура. Следовательно, и изучаться она должна в контексте культурной интердетерминированности и на иных по сравнению с физической природой методологических основаниях, предоставляя возможность субъектной рефлексии и самого научного познания.

Изложенное подкрепляется ссылкой на мнение одного из авторитетнейших зарубежных психологов J. Shotter, пишущего о том, что психологическая наука должна изменить свою исходную позицию, пересмотрев как исследовательскую процедуру, обязанную включать в плоскость рассмотрения поточность и континуальность феноменологии, так и способы легитимизации обретенного знания, предполагающие изменение отношения к экзистенциальным переживаниям. В более детализированном виде это изменение должно предполагать следующее:

1) «от ориентированности на теорию к практике, от теоретизирования к практическому обеспечению, инструктивному описанию;

2) от заинтересованности в обстоятельствах к заинтересованности в активности и использовании «мыслительных средств» или «психологических инструментов» собственного изобретения;

3) изменения от того, что происходит в *головках* индивидов к интересам (в большей части социальным) к природе окружения и к тому, к чему это может приводить, что позволяет или чему способствует;

4) переход от процедур, используемых кем-либо, к согласованию, диалогу друг с другом;

5) от исходной позиции отражения (когда поток взаимодействий приостанавливается), к локальным исходным точкам, вплетенным в исторический поток социальной активности в повседневной жизни;

6) от языка репрезентации реальности к его роли как координатора многообразия социальных действий, с его репрезентативной функции, реализующейся в ряде лингвистически конституированных социальных отношениях;

7) от доверия нашему жизненному опыту как основе понимания мира, к рассмотрению социальных процессов его конструирования; и, наиболее важно, от исследования, основанного на фундаменте, исходно принимаемом как авторитетный - провозглашающий приемлемость результатов вне времени, - к образцам исследования, предполагающим возможность корректирования ошибок, находимых в локальных ситуациях и обстоятельствах» [14, с. 59].

Очерчивая горизонты психологической науки будущего, J. Shotter подчеркивает: «Таким образом, мы уходим от индивидуалистской, третьесторонней, внешней позиции созерцающего наблюдателя, исследователя, коллекционирующего фрагментированные данные с социально «сторонней» позиции наблюдения за реализующейся активностью, соединяющего пробелы между фрагментами при помощи изобретательного воображения теоретических категорий, к более интерпретационному подходу; уходим от использования выведения утверждения (конечно, на некотором основании), что по существу ненаблюдаемые, субъективные сущности, предположительно внутриличностные, все же существуют, к моделям герменевтического изучения; от теоретических к более практическим интересам, связанным с вспомогательными средствами и способами, неизбежно применяемыми нами при проведении исследований» [14, с. 60].

Осознание проблемы сложности прогрессирования психологического знания в условиях многообразия, обуславливает поиск соответствующих механизмов взаимообогащения и взаиморазвития субъектов создания научного знания. Для этих целей представляется полезным привлечение подхода диалогической лингвистической коммуникации М.М. Бахтина, подчеркивающего, что «идея интериндивидуальна и интересубъективна. Идея - это *живое событие*, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» [19, с. 294]. Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, направленного на выработку совместных решений с учетом личного потенциала участвующих сторон. Без взаимопонимания нет ни взаимообогащения, ни взаиморазвития, достижение которых становится возможным только через диалог и посредством диалога.

Учитывая конвенциональный характер современного знания, оно должно быть диалогическим по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии: от интраспективной (методология первого лица, основывающаяся на самоанализе) через экстраспективную (методология третьего лица, основывающаяся на отстраненном, опосредованном наблюдении) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленного на взаимопояснение адекватности сформированного поля разделяемых значений. Примерами такого рода диалогических методологий являются нарративная методология, многоголосое и совместные исследования [20, с. 34].

Еще одной прогрессивной тенденцией в развитии психологического знания является осознание его именно интердетерминистского характера. В первую очередь, это обусловлено тем, что любое объяснение и понимание психологической феноменологии, осуществляемое в системе мультипарадигмальных координат, исходно предполагает взаимодействие и взаимовлияние всех задействованных факторов и систем интерпретаций. В этой связи нельзя оставить без внимания принцип взаимного детерминизма или интердетерминации А. Бандуры,

представленный им в одной из наиболее фундаментальных работ XX века «Социальные основания мышления и действий» [21], в которой он формулирует основные принципы метатеории человеческого поведения, впоследствии положенные в основание активностной теории человеческого развития, адаптации, и изменения [22]. Анализируя известную формулу К. Левина $B=(P,S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, автор обосновывает их отношение взаимозависимости. Применительно к обсуждаемому контексту это означает, что прогрессирование в понимании психологической феноменологии предполагает акцентирование внимания наряду с социокультурно-интердетерминированным контекстом и на личностных особенностях субъектов научного познания, и на характере их активности, находящихся в отношении взаимозависимости или интердетерминации. Такого рода взаимоотношения не только определяют специфику представленного в объяснении упорядочивания психологической феноменологии, но и сформировавшиеся модели объяснения и понимания, а также способы их канализации (Kelly).

Понимание необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования разноголосых объяснений, т.е. их интеграции, приводит к осознанию того, что она становится возможной только в диалоге и посредством диалога, открытого другим голосам. Открытость другим голосам является основополагающим свойством толерантного и плюралистического сознания, являющегося высшим достижением современной цивилизации, что становится особенно важным для современного постнеклассического состояния научного знания, характеризующегося включением в предмет рассмотрения его субъекта, являющегося членом сообщества и неизбежно проецирующего его состояние на научное объяснение.

Позиционируясь в отношении статуса научности и прогрессивности психологического познания, отметим следующие основные моменты:

1. Особый статус психологической науки обусловлен ее субъект-объектной ролью в научном познании, проявляющейся в изучении особенностей самого субъекта научного познания и одновременного пребывания его в качестве его объекта.

2. Прогресс в психологическом познании обусловлен его ориентированностью на

использование достижений науки и культуры применительно к углублению понимания внутренней природы человека как субъекта познания и самопознания в их преломлении к взаимодействию с окружающим социальным и природным миром.

3. Магистральная линия прогрессирования в психологическом знании связана с изучением культурно-исторической динамики развития психологической феноменологии, приводящей к повышению возможностей, оптимизации и гармонизации взаимоотношений человека как социальной сущности в его взаимодействии с окружающим миром.

4. Необходимыми условиями прогресса в понимании психологической феноменологии является осознание интердетерминистского характера взаимодействия всех определяющих ее уникальность факторов, сопровождаемое формированием конвенционального знания динамического свойства посредством механизма диалога.

Социокультурно-интердетерминистская перспектива в оценке прогресса психологического познания

Анализ проблемного поля развития психологического знания, его механизмов и критериев прогресса является предметом научных исследований автора на протяжении последних десяти лет и нашедших свое выражение в ряде публикаций [5; 6; 7; 9; 10; 16; 17; 23]. Исходно этот анализ был направлен на выяснение ряда фундаментальных вопросов, связанных с состоянием современного психологического знания: почему в нем существует многообразие подходов и интерпретаций; почему не находится оснований интеграции психологического знания в целостную систему; почему при наличии множества исследовательских методологий проблемы не находят исчерпывающих решений; наконец, существуют ли возможности и механизмы развития психологического знания в условиях многообразия подходов и решений?

Эти исходные посылы легли, в основание разработанного авторского интегративно-эклетического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия [16; 23]. В его рамках обосновывалась необходимость постижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций,

подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена. Становление в позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный движитель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции как неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими последствиями, а об именно свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием. В рамках подхода обосновывается необходимость смены одномерной логики или/или, верно/неверно, лежащей в основании классической рациональности на постнеклассическую многомерную логику и создающую основания для диалога и объединения ресурсов всех участвующих сторон на пути углубления представлений о природе и своеобразии психологической феноменологии.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности [23, с. 312-313]. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности и на этой основе продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

В дескриптивной концепции истины процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии над результатами сравнения разных видов знания и

практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости [24]. В этой интерпретации истины представлен тезис гносеологического плюрализма. Применительно к развитию психологического знания подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободных от предубеждений друг относительно друга, приводит; во-первых, к преодолению доминанты абсолютной истины собственных предпочтений; рефлексивной идентификации с правомочностью рассуждений партнера; наконец, во-вторых, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей и решений на более продуктивном диалогическом основании.

Онтологический плюрализм предполагает возможность существования разных типов реальности, что уже само по себе освобождает воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности. Признание наличия разных реальностей (биологическая, символическая и рефлексивная как базовые), отличающихся качественно и требующих разных исследовательских методологий, создает основания для, во-первых, обсуждения вопросов их соотношения и сопряжения друг с другом; во-вторых, разграничения круга и компетенции исследуемых аспектов при обсуждении их соотношения с целым - социальным бытием личности и ее окружения; в-третьих, рассмотрения вопросов концептуально-критериальных оснований научности и их возможных вариаций применительно к исследуемым типам реальности в связи с их спецификой.

Диалогика обосновывает необходимость привлечения разных логик к процессу глубинного постижения психологической феноменологии [25]. Диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития.

Диатропика предоставляет фундамент многообразия форм существования и проявления

жизни [26]. Диатропика парадигмальных координат, культурных и субкультурных миров, наконец, индивидуальных миров личности и ее окружения позволяет создать необходимые основания для определения оптимального соотношения идиографии и номотетики в психологическом исследовании, признания уникальности индивидуальности столь же значимой, как и человеческой природы вообще.

Интегративная эклектика предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: парадигмальное позиционирование; интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование (альтернативный круг).

Парадигмальное позиционирование предполагает четкое определение исходных позиций, которых придерживается исследователь, включающее определение в онтолого-эпистемологических основаниях, способе теоретизирования и методе исследования с фиксацией их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов. Оно позволяет налаживать продуктивный межпарадигмальный диалог, освобождая оппонентов от необходимости доказательства единственной верности и универсальности предлагаемого подхода. Позиционируя подход, констатируя его потенциал и ограничения, исследователь получает возможность свободного соотношения собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомочности наличия таковой, как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат.

Интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями альтернативных традиций, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению избранного проблемного поля. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии, как условий понимания оппонента и налаживания продуктивного взаимодействия с ним, подчиненное общей цели - углублению представлений о сути изучаемого и обсуждаемого феномена, нахождения путей и способов сотрудничества.

Подтверждением возможности и полезности такого рода межпарадигмального диалога альтернативных традиций является обоснованный

Л. Лауданом философский принцип разрешения разногласий: «разногласия о фактическом следует разрешать на методологическом уровне; методологические расхождения следует улаживать на аксиологическом уровне» [27]. Отмечается она и L. Pervin, одним из ведущих персонологов современности, подчеркивающим: «Вместо того, чтобы рассматривать клинический, корреляционный и экспериментальный подходы как конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых инсайтов о поведении человека, каждый из которых потенциально информативен для другого» [28].

Критическое рефлексивное позиционирование, реализующееся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями, создает основание для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксацию исходных парадигмальных координат и связанных с ними ограничений. Рефлексивное позиционирование создает предпосылки для отстраненного взгляда на выстроенную объяснительную версию, преодоления эмоциональных блокировок, связанных с влиянием собственных исследовательских приоритетов, наконец, эмоций и чувств в отношении окружающих людей как носителей соответствующего знания и занимающих определенную исследовательскую позицию.

Эти механизмы актуализируются в ряде необходимых условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование и связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.

Создание максимальной информационной базы теоретической и эмпирической работанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на более высокий уровень обобщений.

Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условия раздвижения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

Идеи изложенного подхода позволили проинвентаризировать состояние современного

психологического знания на уровне основных конституированных систем парадигмальных координат. В основу рассмотрения положено авторское определение парадигмы как «коллективно сформированного на основе конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научного психологического мировоззрения в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающего согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения следуемой феноменологии, способов и критериев доказательства научности полученного знания, его верификации, методов и процедур исследования» [5, с. 71]. Этот анализ осуществлен посредством специально разработанных инструментов и критериев [5, с. 88-95]. Применение авторской концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотношения парадигмальных координат [5, с. 94] позволило показать, что различия в них носят онтолого-эпистемологический характер, не позволяющий говорить о системном интегрировании в гипотетическом будущем. В то же время показано, что каждая из них обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым, выступая в качестве вечного двигателя прогресса психологического познания.

Именно качественная гетерогенность природы психологической феноменологии и ее проявлений, ее представленность в мультипарадигмальной системе координат была положена нами в авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» [7, с. 204]. Обозначенный трехмерный континуум и должен задавать рамки психологического объяснения и понимания, предполагающего нахождение

согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разнородность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего исходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; процессуальность; социокультурную интердетерминированность и конструируемость; сосуществование качественно разнородных природ; экзистенциальную бытийность; механизмы особого типа интеграции как разнокачественные природы, так и знания, накопленные в альтернативных традициях и подходах.

Как отмечалось нами ранее, решение такого рода задачи предполагает наличие и иного типа логики - диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие [25]. Задачей же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного междисциплинарного и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие в области углубления понимания психологической феноменологии и актуализации полученного знания в деле повышения продуктивности человеческого фактора прогресса.

В соответствии с развиваемым мною социокультурно-интердетерминистским диалогическим походом такого рода углубление понимания психологической феноменологии становится оптимальным при соблюдении следующих условий:

- плюралистичное^{TM} и толерантности по своей сути, реализующейся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

- согласованности исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадений и рассогласования позиций;

- социокультурной-интердетерминированности, выражающейся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;

- диалогичное^{TM}, проявляющейся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Внедрение подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятии заинтересованным и квалифицированным читателем) [5; 16; 29]. В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов. Примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной эклектики путем триангуляции [16, с. 321-331].

Завершая размышления над проблемой научного прогресса в психологии, сошлемся на высказывание одного из крупнейших психологов современности А. Bandura, который в своем анализе перспектив прогресса в психологии пишет: «Психология является одной из дисциплин, уникально охватывающих сложное взаимодействие среди биологических, интраличностных, межличностных и социоструктурных детерминант человеческого функционирования. Как основополагающая дисциплина она особенно хорошо подходит для продвижения понимания интегрированной биопсихосоциальной природы людей и того, как они активно управляют и формируют повседневный мир вокруг самих себя. Сегодняшний мир ускоренных социальных, информационных и технологических изменений с мгновенным коммуникационным доступом по всему миру обеспечивает людей расширенными возможностями привносить собственное влияние, чтобы опираться на события, влияющие на их жизнь. Осуществление индивидуальной и коллективной активности привносит все больший вклад практически во все сферы жизни: в развитие человека, адаптацию и изменения. На более широком

социальном уровне изменения концентрируются на том, как включить эти активностные человеческие возможности способами, формирующими лучшее и жизнеспособное будущее» [22, с. 176].

ЛИТЕРАТУРА

- Коротаев, А.В. Социальная эволюция : факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. - М. : Восточная литература РАН, 2003.
- Niiniluoto, I. Scientific Progress / I. Niiniluoto // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition)*, Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/scientific-progress/>
- Levi, I. "Messianic vs. Myopic Realism," in : P.D. Asquith and P. Kitcher (eds.), *PSA 1984*, vol. 2 ; East Lansing, Michigan : Philosophy of Science Association, 1985. - P. 617-636.
- Ильин, И.И. Постмодернизм : словарь терминов / И.И. Ильин. - М. : Интрада, 2001.
- Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию / В.А. Янчук. - Минск : АСАР, 2005.
- Янчук, В.А. Психология постмодерна / В.А. Янчук // *Время как фактор изменений личности: сборник науч. трудов* / под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. - Минск : ЕГУ, 2003. - С. 175-201.
- Янчук, В.А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии / В.А. Янчук // *Методология и история психологии*. - 2006. - Т. 1. - С. 193-206.
- Янчук, В.А. Эволюция метода социально-психологического исследования : от модернистской экстраспецики к постмодернистской диалогической методологии / В.А. Янчук // *Труды Ярославского методологического семинара*. Т. 3 : *Метод психологии* / под ред. В.В. Новикова. - Ярославль : МАПН, 2005. - С. 398-410.
- Янчук, В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования / В.А. Янчук // *Методология и история психологии*. - 2007. - Т. 2. Вып. 1. - С. 207-226.
- Янчук, В.А. Методология, теория и метод в психологическом исследовании / В.А. Янчук. - Минск : АПО, 2008.
- Юревич, А.В. Перспективы парадигмального синтеза / А.В. Юревич // *Вопросы психологии*. - 2008. - № 1. - С. 3-15.
- Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. - М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Gergen, K.J. Toward a postmodern psychology / K.J. Gergen // In : Kvale, S. (Ed). *Psychology and postmodernism*. - London : Sage Publications, 1997. - P. 17-30.
- Shotton, J. Getting in touch : The meta-methodology of a postmodern science of mental life / J. Shotton // In : Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. - London : Sage Publications, 1997. - P. 58-72.
- Соколова, Е.В. Апология системного монизма / Е.В. Соколова // *Вопросы психологии*. - 2006. - № 1. - С. 1-10.
- Янчук, В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии : интегративно-эkleктический подход / В.А. Янчук. - Минск : Бестпринт, 2000.
- Янчук, В.А. Эволюция социально-психологического знания : от модернистского монолога к постмодернистскому диалогу / В.А. Янчук // *Социальная психология XXI столетия*. Т. 2 / под ред. В.В. Козлова. - Ярославль, 2005. - С. 324-329.
- Кассирер, Э. Опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // *Проблема человека в западной философии*. - М. : Наука, 1988. - С. 28-29.
- Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. - Киев : Наукова думка, 1994.
- Gergen, K.J. Toward a Cultural Constructionist psychology / K.J. Gergen, M.M. Gergen // *Theory and Psychology*, 1997. V. 7. - P. 31-36.
- Bandura, A. *Social Foundation of Thought and Action : A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs / A. Bandura. NJ : Prentice Hall, 1986.
- Bandura, A. *Toward Psychology of Human Activity* / A. Bandura // *Perspectives on Psychological Science*. 2006. Vol. 1. № 2. - P. 164-179.
- Янчук, В.А. Интегративная эклектика / В.А. Янчук // *Всемирная энциклопедия : философия*. - М. : АСТ ; Минск : Современный литератор, 2001.
- Исаев, И.Т. О дескриптивном понимании истины / И.Т. Касавин // *Философские науки*. - 1990. - № 8. - С. 64-74.
- Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры : два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. - М. : Политиздат, 1991.
- Чайковский, Ю.В. Элементы эволюционной диатропики / Ю.В. Чайковский. - М. : Наука, 1990.
- Лаудан, Л. Наука и ценности / Л. Лаудан // *Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : учебная хрестоматия*. - 2-е изд. перераб. и доп. - М. : Издательская корпорация «Логос», 1996. - С. 61-82.
- Pervin, L. *Personality : View of the Future Based on a Look of the Past* / L. Pervin // *Journal of Research on Personality*. 1996. Vol. 30. - P. 300-318.
- Franklin, C.W. *Theoretical perspectives in social psychology* / C.W. Franklin. - Boston : Little, Brown and Company, 1982.